

Война **1812** года

Городня, октябрь 1812

Городня – деревушка на берегу речки Городенки в сотне километрах от столицы, расположенная рядом с оживленной автодорогой Боровск-Малоярославец. Деревушка, каких много, ничем не примечательная. Однако в октябре 1812 года именно здесь в значительной мере решалась судьба России и Европы. 200 лет назад на околице Городни стояла небогатая изба ткача Кирсанова, в которой разместился штаб покинувшей Москву армии Наполеона и в которой в ночь с 12 на 13 октября (по старому стилю) 1812 года после 18-часовой битвы за Малоярославец император провел бессонную ночь, быть может, впервые в жизни оказавшись в безвыходной ситуации. Как вспоминал он позже: «Судьбе надоело быть ко мне благосклонной...» Этот момент запечатлен на известной картине В.В. Верещагина «В Городне – пробиваться или отступить?». Обычно поворотной точкой Отечественной войны 1812 года считается исход французских войск из Москвы. На самом же деле перелом наступил в Городне (упоминаемой историками, как правило, вскользь). В ответ на распространенное мнение, что «французы

бежали из Москвы от голода и холода приближающейся зимы, преследуемые русскими», хочется возразить: а чего ради оставался бы Наполеон в Москве, поняв, что мира с Россией не дождешься? По свидетельствам участников тех давних событий, которых не заподозришь в сознательном приукрашивании событий, о «бегстве»

тогда говорить не приходится – оно началось именно после Городни.

- Для начала спросим: в самом ли деле голод и холод погнали наполеоновскую армию из Москвы? Интендант Дарю считал, что продовольствия и фуража хватило бы ей на всю зиму. После взятия Москвы французы немедленно организовали сбор урожая в Подмоскovie. И это еще далеко не все. 13 сентября на военном совете в Филях Кутузов решает сдать Москву, а уже 14 сентября Наполеон вошел в город. Когда же жители успели вывезти из погребов, амбаров, лабазов, кладовых тонны и тонны продуктов, заготовленных не на один год? Да и где было взять столько транспорта? Начали спасать свое добро заранее?

Но ведь до 13 сентября Кутузов решительно утверждал, что скорее погребет себя под руинами Москвы, чем сдаст ее, и ему столь же уверенно вторил московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин. Таким образом, на эвакуацию всех – и даже сколько-нибудь значительной части – продовольственных запасов москвичи попросту не имели времени. Не случайно маршал Даву констатировал: ?Несмотря на пожар, мы находим огромные ресурсы продовольствия? Не останавливаясь на хорошо известных трудностях быта французов в Москве, интересно отметить и другую сторону того же быта. Например, в оккупированном ими городе проходили ежедневные парады и смотры войск, устраивались костюмированные балы, концертировали певец Торквинио из Милана и пианист Мартини. Неужели так развлекались голодающие и замерзающие? Осознав тщетность переговоров о мире, Наполеон покинул Москву.

- **Маршалу Мортье, уходившему последним, он приказал вывезти все, что возможно, остальное ?назначено было сжечь, таковых (тяжестей. – А.Л.) оказалось много, считая в том числе немалое количество провианта?. Генерал Сегюр вспоминал: ?В колонне было 140 тысяч солдат и около 50 тысяч лошадей... 100 тысяч бойцов шли впереди со своими ранцами, мешками и оружием, а за ними следовали 550 орудий и 2 тысячи артиллерийских повозок, пока еще напоминая грозную военную машину покорителей мира? (выделено мной. – А.Л.). Такая оценка генерала, всего через пять дней со всей искренностью засвидетельствовавшего превращение своей армии в неуправляемое скопище спасающихся бегством людей, безусловно, заслуживает доверия: французы из Москвы не ?бежали?, а уходили победителями с огромной добычей. Тот же Сегюр свидетельствует: ?Казалось, переселялся целый народ, или, скорее, возвращалось перегруженное рабами и добычей войско античных времен, разрушившее город противника? Это подтверждает и участник похода**

на Москву Рене Божю: ?Все, и гвардия в особенности, были нагружены золотом, серебром и массой драгоценных вещей, набитых всюду?Наполеон ? отступал? по Калужскому тракту, ведущему через Фоминское, Боровск, Малоярославец, Калугу, Орел на Харьков и представлявшему собой по тем временам дорогу ?высшего класса? – широкую, с прочным покрытием из грунтово-каменной смеси. То есть французы шли в теплую благодатную Украину. Шли открыто, спокойно, свободно, не допуская и мысли о нападении войск, в сущности, уже побежденной страны, пусть и не подписавшей мира.

В то же время русская армия пробиралась от Тарутина к Малоярославцу проселочными дорогами, о которых лучше всего сказал князь Вяземский: «Что значит русскими проселками езда? Что шаг, – то яма, косогор, болото или овраг... Я твердо убежден, что со времен потопа не прикасалась к ним лопата землекопа?». Теперь о холодах. Да, их приближение уже ощущали солдаты из теплых стран Европы. Однако и этот фактор тогда «работал» на нашего противника. Генерал Орнано незадолго до Малоярославецкого сражения говорил, что «надежда добраться поскорее до областей с лучшим климатом и занять зимние квартиры на Украине или на Волыни прибавила еще смелости? Разве похоже все вышеописанное на паническое бегство «преследуемых»? Почему же именно такую картину рисуют историки? Дело в том, что бегство действительно имело место – но, повторим еще раз, после Городни, а не после Москвы. На Малоярославец накатывалось все еще грозное, уверенное в своей непобедимости и в непогрешимости своего полководца воинство. И вот его авангард под командованием вице-

короля Италии Евгения Богарне, минуя Городню, спускается в долину. Первыми вступают в бой части генерала Дельзона. На ограниченной территории

с пяти часов утра до одиннадцати вечера идет наращивание сил двух противостоящих армий – Наполеона и Кутузова.

- Они советовали отступить к Смоленску через Медынь. В это время пришло известие о поражении под Медынью корпуса генерала Понятовского и о взятии в плен русскими казаками генерала Тышкевича. К мнению Мюрата и Бессьера присоединился Мутон: ?Отступить по кратчайшей и известной дороге на Можайск, к Неману, и по возможности поспешнее? Это потрясло Наполеона. Но он все еще не хотел смириться с мыслью, что судьба начинает отворачиваться от него. Помолчав, он заявил, что сам проведет рекогносцировку, и в сопровождении военачальников и взвода кавалеристов выехал из Городни. В рассветном тумане вдруг послышались крики и свист, показались какие-то всадники. ?Казачи! Но этого не может быть, ведь мы в тылу своей армии!? Император и свита обнажили шпаги. Однако казаки, так и не поняв, кто перед ними, бросились к кавалерийскому обозу. Наполеон застыл как громом пораженный: его, великого

из великих, едва не взяли в плен!

Очередное знамение судьбы... Как вести кампанию дальше, Наполеон все еще не решил. Но именно здесь и сейчас он решил отныне неизменно держать при себе цианистый калий. В 10 часов утра Наполеон снова направляется к Малоярославцу. Боровская дорога крутым спуском выходит из леса.

Открывается излучина реки, окруженная возвышенностями. Впереди в двух верстах – догорающий город. Это пепелище – в руках французов.

- Но взятие Малоярославца не дало абсолютно ничего. За ним стоит армия Кутузова, готовая к бою. Император сходит с коня. В глубоком раздумье садится на поданный стул, просит разжечь костер. Неожиданное отчаянное сопротивление русских разрушало его планы, лишало оперативной инициативы. Победа под Москвой (таков, по мнению Наполеона, был итог Бородинского сражения), казалось, исключала подобные неожиданности... Да, маршалы правы: разум подсказывает лишь один выход из ситуации – отступление. Но как решиться на это Наполеону, никогда не отступавшему? Ведь всего неделю назад он повелел: «Главная ставка будет перемещена в преддверье Калуги?» – и грозно предостерег: «Горе тем, кто встанет на моем пути!» Раздумье длилось несколько часов. Все яснее становилось: и сражение, и отход одинаково ведут к краху. Что теперь скажет Европа по поводу его успевших стать крылатыми фраз, сказанных перед походом на Москву: «Через два месяца русские будут у моих ног!» и «Одной победы будет достаточно, чтобы царь приполз ко мне!» Напряжение было столь велико, что император на какое-то мгновение потерял сознание (об этом вспоминает Н.Ф.Цветков со ссылкой на Сегюра) тяжесть сложившихся обстоятельств оказалась непосильной даже для него, до последнего момента носившего в себе уверенность, что еще возможно осуществление поистине невероятных мечтаний? Осознать обратное для такого человека, как Наполеон, – поистине сокрушительный удар! Наконец он отдал распоряжения о подготовке к отступлению, из последних сил стараясь сохранить лицо: «Этот дьявол Кутузов не получит от меня ни реплики поистине жалкая в устах «властелина мира». Однако здесь остался Наполеоном, велел отослать во Францию со своей очередной своей победой – взятии Малоярославца?

- Даже сражение под Бородиным не было ему (Наполеону. – А.Л.) так необходимо, как под Малоярославцем, – пишет военный теоретик Н.А.Окунев. – Правда, первое открыло ему ворота в Москву, но дало только бесполезные трофеи; спасение его армии зависело от второго? Всегда находившийся среди своих солдат – пешим или на коне, вскоре после Городни Наполеон сел в повозку с плотно зашторенными окнами и больше солдатам не показывался. Возможно, в этой повозке пришли к нему размышления, подытоженные на острове Святой Елены: ?Для полноты моей славы не хватило лишь моей смерти в момент, когда все листья лавра еще дышали свежестью в венце моих побед. Если бы я был убит на следующий день после вступления в Москву, моя карьера была бы ни с чем несравнимым примером непрерывной цепи успехов и побед, даже все последующие неудачи, выпавшие

на долю французской армии, еще больше послужили бы увековечиванию моей славы, потому что, хотя они все равно и были бы неизбежны, их связывали бы только с моей смертью? Через две недели после Малоярославецкого сражения маршал Бертье докладывал императору: ?Долгом поставляю доложить Вашему Величеству о состоянии корпусов, осмотренных мною на марше в последние три дня. Они почти в совершенном разброде. Только четвертая часть солдат остается при знаменах: прочие идут сами по себе разными направлениями, стараясь сыскать пропитание и избавиться от службы, все думают только о Смоленске, где надеются отдохнуть.

- В 1844 году в городе Малоярославце был воздвигнут монумент с отлитыми на нем словами Михаила Илларионовича Кутузова: «Малоярославец – предел нападения, начало бегства и гибели врагов». В 1932 году монумент снесли. Постепенно из широкого общественного мнения и из учебников истории как-то ушел тот факт, что местом начала бегства и гибели наполеоновской армии явилась безвестная деревушка Городня, – приоритет здесь отдали Москве. Что же мешает теперь восстановить справедливость? Хорошим началом видится нам воссоздание и превращение в музей наполеоновской избы в Городне. Кстати, первым экспонатом музея могла бы быть походная кровать Наполеона, сегодня находящаяся в Историческом музее. Почему опять – столица, а не Городня? Будучи в Москве, император останавливался в Кремле, в Петровском дворце, а по выходе из первопрестольной ночевал в Боровске, заняв дом богатого купца. Вряд ли и в том, и в другом случае ему требовалась походная кровать. Она куда более уместна в скромном жилище городнянского ткача Кирсанова, чем во дворцах и купеческих хоромах...